

Реализация прецедентных текстов в принимающих текстах оказывается очень разнообразной, что позволяет говорить о необходимости системного и разноуровневого описания, а также анализа функций ПТ.

Литература:

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
2. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000.
3. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М., 1982.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
7. Лейдерман Н.Л. Драматургия Николая Коляды: Критический очерк. – Каменск-Уральский: Издательство «Калан», 1997.
8. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1996.

Конторович А. М.

Научный руководитель: М. Э. Рут;

доктор филологических наук, профессор

УрГУ, Екатеринбург

МИМИКА В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Невербальные средства коммуникации с давних пор используются в общении людей. Хотя мимика и жест чаще лишь сопровождают речь, выражая эмоции, в языке они находят вербальное отражение, которое может состоять в одной лексеме, а может представлять собой описательное обозначение вполне конкретного жеста или мимического движения.

Данная работа ставит своей целью рассмотреть, как номинируется разнообразие мимических движений в русских диалектах. Материал извлекался из диалектных [1] и литературных [2] словарей русского языка. Было выявлено 294 диалектных лексических единицы, номинирующих мимические движения (учитывались только вербальные обозначения движений лица, имеющих знаковую природу). Среди них выделяются следующие семантические группы: «нахмуриться» (*буѣрится, букаѣриться, гриѣбаться, каѣниться, косоѣуриться, мичуѣриться, нажуроѣкаться, напыѣшиться* и др.), «гримасничать»

(выкому^эривать, вымудря^эться, вычваря^эться, забя^эжать, измо^эрщить, каре^эзиться, кобя^эниться и др.); «нахмурить, наморщить лоб» (нахлобу^эчивать, навести^э, посурми^эться), «разгладить лоб» (зала^эчивать); «шевелнуть, повести бровями» (разми^эргнуть), «сдвинуть брови» (натуту^эряться); «вытаращить, распахнуть глаза» (выга^эливать, выдра^эчивать, вы^этукать, зе^эрять, лупогла^эзить, остака^эниться), «зажмуриться» (заве^эсить), «щурить глаза» (зажмуря^эться), «скосить глаза» (искоша^эть), «повести глазами» (зе^эрять), «поднять глаза» (взбро^эсить), «потупить глаза» (нахню^этиться), «моргать глазами» (луни^эть, ри^эпать); «поднимать, задирать нос» (сдыма^эть нос, закандры^эчить, закурно^эсить); «кривить рот» (косоро^этиться), «открывать рот» (растара^эчивать), «закрывать рот» (запира^эть), «улыбаться» (лы^эбиться, омыля^эться), «надуть губы» (набуту^эсить, нахмы^элить), «выставить язык» (вы^эсулупить), «показать зубы» (вы^эщерить).

Как показал материал, в народных говорах, как и в литературном языке, самыми вербально активными являются общая мимика лица, в также мимика глаз и рта. Из них самая многочисленная группа связана с общими обозначениями мимики лица. Многие лексемы содержат в своей дефиниции отражение эмоции, сопровождающей обозначаемое лексемой мимическое движение, например, забуту^эситься – «нахмуриться» – «начать сердиться, обижаться»; напаку^этиться – «нахмуриться» – «заскучать»; поскриви^эться – «скривиться» – «выразить недовольство», возбу^эривать – «поглядывать искоса, хмуро» – «сердиться». Примечателен также наблюдающийся в говорах процесс, когда слово, обозначающее мимическое движение, начинает номинировать также и действие, с ним связанное (например, глагол окомы^эливаться, кроме значения «показывать зубы, оскаливаться», имеет также значение «улыбаться, смеяться»; так же, как глагол лы^эбиться, помимо значения 'улыбаться', развивает значение «смеяться».

Часть слов в подгруппе «нахмуриться» помимо обозначения мимического движения характеризует также состояние природы или погодное состояние, причем такое значение часто является у лексемы основным, например: замухо^эриться – «стать пасмурным (о погоде)»; па^эхму^эриться – «становиться пасмурной, хмурой (о погоде)»; притума^эниться – «покрыться, подернуться туманом, слегка затуманиться»), но возможен и обратный перенос – с элемента мимики на состояние природы как, например, в лексемах насуво^эриться и посу^эниться. В связи с этим интересно сопоставление с литературным языком, где слово хмуриться относится к погоде в своем переносном значении, между тем как представленная в говорах модель говорит в пользу обратного переноса (ср. особенно затуманиться).

Как и в литературном языке, в народных говорах мимическое движение, в котором

задействовано все лицо, а не отдельные его части (глаза, губы и т. д.), обозначается одним словом, а не словосочетанием, хотя некоторые единицы допускают сочетание со словом *лицо* и его диалектными синонимами (ср., например, *дзю* ≈ *ндзю* *насуво* ≈ *рил*, *нахлобу* ≈ *чил* *мо* ≈ *рду*). Есть примеры невозвратных глаголов из подгруппы «морщиться, кривиться, гримасничать», употребляющихся самостоятельно, без сочетания со словом *лицо* и его синонимами (*мы* ≈ *чкать* – «гримасничать»; *забя* ≈ *жать* – «начать гримасничать»). Примечательно, что лексемы подгруппы «нахмуриться, насупиться, надуться», а также некоторые лексемы подгруппы «гримасничать, кривиться», способные сочетаться со словом *лицо* и его синонимами, часто образуют и сочетания со словами *лоб* или *брови*, сохраняя свою основную семантику (такие слова, как, например, *нахмы* ≈ *ливать*, *нахлобу* ≈ *чивать* или *измо* ≈ *рщить*). Аналогичную картину мы наблюдаем в литературном языке: например, глагол *хмурить* может присоединять слова *лицо*, *лоб*, *брови*, обозначая соответствующие мимические движения, или глагол *морщить*, сочетающийся со словами *лицо* и *лоб*.

Семантика обозначаемого лексемой мимического движения в литературном языке находит отражение прежде всего в возвратных глаголах, характеризующих мимические движения всего лица – таких, как, например, *хмуриться* или *морщиться* – и в немногих устойчивых словосочетаниях, которые используются наиболее часто и, как правило, имеют переносное значение – например, *разинуть рот* или *задрать нос*. При этом семантика мимических движений может быть отражена в номинирующих их словах в том случае, если эти слова имеют ограниченную сочетаемость или обозначают только мимическое движение: *хмурить* (лоб, брови), *насупить* (брови), *улыбаться*, *усмехнуться* – причем это мимическое движение должно быть освоенным и устойчивым в национальной культуре.

Некоторые диалектные лексемы описывают не только само средство невербального общения, но и всю ситуацию, в которой описываемые жест или мимическое движение могут быть употреблены (например, *промига* ≈ *ться* – «поморгать глазами в ответ на замечание, упрек и т. п.» – «без возражений выслушать, стерпеть обиды, упреки и т. п.»). Слова литературного языка, напротив, в большинстве своем ограничиваются отражением исключительно механического аспекта выполнения обозначаемых жестов или мимических движений, не оговаривая их семантику.

Развитие переносных значений в диалектах происходит по тем же моделям, что и в литературном языке, но их презентация оказывается более широкой. Так, например, в группе диалектных слов, обозначающих мигание или моргание многие слова развивают значение «мерцать» применительно к небольшим огням или другим источникам дрожащего, неверного, мерцающего света (это такие слова, как *луни* ≈ *ть*, *пи* ≈ *лька* *ть*, *ри* ≈ *пать*) сходно с литературным *мигать*.

В народных говорах слова, номинирующие элементы мимики, обладают более широкой сочетаемостью, чем слова литературного языка со сходным значением: так, в говорах слово *моргать*, кроме возможности сочетаться со словом *глаза*, способно сочетаться и со словом *брови*, начиная номинировать движение этой частью лица; также существует ряд глаголов с общим значением «открыть», сочетающихся со словами *глаза* и *рот* (*отвори́ть*, *растара́щивать*, *расшепел́ивать*, *расширя́ть*, *расщепел́ивать*). Слово *заноси́ть* может сочетаться со словами *глаза* и *нос*, сохраняя значение «гордиться».

Таким образом, диалекты дают более богатый материал и более тонкие оттенки значений слов, номинирующих мимические движения. Многие лексемы имеют в своей дефиниции указание на эмоцию, вызывающую или сопровождающую обозначаемое мимическое движение, то есть отражают семантику номинируемого элемента мимики, и в целом мы наблюдаем, что идея мимики в народных говорах проработана значительно лучше, чем в русском литературном языке.

Литература:

- 1.Словарь русских народных говоров. Т. 1 – . М.; Л. (Спб.), 1965.
- 2.Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1989.

Косарева А.А.

Научный руководитель: М.Р.Чернышов,

кандидат филолог.наук, доцент

УрГУ, Екатеринбург

СВОБОДА ОТ ДЬЯВОЛА КАК МАНИФЕСТАЦИЯ АТЕИЗМА И «АТЕИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИФРАЗ» БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ В ПЬЕСЕ Ж.-П.САРТРА «МУХИ»

В автобиографии «Слова» Жан-Поль Сартр писал о своей вере в юные годы: «Я рос сорняком на унавоженной почве католицизма, мои корни впитывали её соки, наливались ими» [4, 477]. В зрелые годы Ж.-П.Сартр пришёл к атеизму, и именно как убеждённый атеист вошёл в историю философии и литературы. Католическая вера стала казаться слепотой, безумием, а атеизм — прозрением: «Я всё вижу ясно, не занимаюсь самообманом...я — человек, очнувшийся после тяжёлого, горького и сладостного безумия» [4, 478]. Однако говорить об атеизме, проповедовать доктрину атеизма, не противопоставляя ему католическое вероучение, было невозможно: атеизм мыслился Сартром как